

**В** один из весенних дней в Петербурге на Зверинской улице открылся художественный салон. Назывался он «Господин Зверинский». Стрелка-вывеска над подворотней приглашала пройти в третий по счету двор и купить недорого, но хорошую картину.

После некоторых колебаний указанию последовал кинорежиссер Николай Ярвинен, проходивший мимо. Режиссеру Ярвинену не работалось уже более полугода, и он мог позволить себе отклонение от маршрута. Тем более что маршрута в строгом смысле у него не было.

Не то чтобы Ярвинен специально интересовался живописью — просто название, а главное, местоположение салона привлекли его внимание. Накануне он расстался со второй женой, и третий двор внезапно увиделся ему следующим элементом таинственного пазла. «Пазла, имя которому жизнь, — подумал не без пафоса режиссер. —

Что бы ни ждало меня в третьем дворе, по отношению к моей второй жене это будет шагом вперед».

При появлении режиссера Ярвинена в салоне зазвенел колокольчик, и из-за висевшей в глубине помещения бархатной портьеры вынырнул невысокий плотный человек. Он кивнул посетителю как давно знакомому и спросил, не господин Ярвинен ли он. Отметив, что его узнали (а его узнавали не всегда), режиссер ответил любезностью и поинтересовался у встречавшего, не он ли господин Зверинский. Тот ответил, что название салона связано с улицей, а его фамилия — Сипяго.

Сипяго и в самом деле говорил довольно сипло. Архип осип — Осип охрип, мелькнуло в голове у режиссера. Он улыбнулся. Замечание о господине Зверинском было шуткой работника искусства.

— Простите. — Он делано смутился. — Конечно, я мог бы догадаться, что господина Зверинского не существует.



— Почему не существует? — Сипяго показал на стол, и Ярвинен увидел рыжего кота. — Господин Зверинский собственной персоной.

Услышав свое имя, кот поднял голову. За его спиной висел натюрморт с апельсинами, отчего господин Зверинский и сам казался большим апельсином. Неудивительно, что Ярвинен его сразу не заметил. Перед котом стояла хрустальная салатница с водой.

— Вода без запаха, и коты ее не чувствуют, — пояснил Сипяго. — Поэтому воду котам следует давать в прозрачной посуде: там они видят ее благодаря бликам. Лучше всего в хрустале.

Перед мысленным взором Ярвинена представили бродячие коты Петроградской стороны: похоже, они все-таки обходились без хрустальной посуды. Режиссер пожал плечами, и от Сипяго это не укрылось. Зазвонил телефон, он снял трубку.

— Полина, тебя!

Из-за портьеры вышла рыжая Полина: в салоне умели ценить этот цвет. Ярвинену подумалось, что на работу девушку взял, должно быть, не кто иной, как господин Зверинский. Начальство любит видеть свое отражение в подчиненных, а привилегированное положение Зверинского казалось очевидным. Когда Полина взяла трубку, Сипяго повторил не без вызова:

— Коты могут пить только из хрустала.

Господин Зверинский, предполагаемый автор идеи, бросил на Ярвинена обиженный взгляд. По-медлив, режиссер кивнул и стал рассматривать картины. Ничего увлекательного он не увидел. Еще дюжины две натюрмортов. Девочка с авокадо, м-да. Виды Петербурга (Ярвинен был почему-то в этом уверен) срисовывались с открыток: Никольский собор, панорама Невского проспекта, Исаакиевская площадь. Летний сад: Венера, возглавляющая шеренгу дубов, неправдоподобно крупные желуди на дорожке. Уж лучше бы, честное слово, авокадо. Этикеток с названиями картин Ярвинен не читал — они добросовестно отражали имена достопримечательностей. А что, собственно, еще они могли отражать?

Одна этикетка лежала на полу, и что-то в ней привлекло внимание режиссера. Он наклонился. Текст ее выгодно отличался от прочих: «Русские спешат на помощь "Титанику"». Оглянувшись, он встретил три безмолвных взгляда. Показал на этикетку:

— А где картина?

— Какая? — спросила Полина.

Кот, которому угол стола закрывал обзор, спрыгнул на пол и приблизился к этикетке.

— «Русские спешат на помощь "Титанику"».

Такой картины не помнил никто. Да и этикетка была не похожа на те, что висели на стенах салона. Сипяго предположил, что она выпала из папки одного из художников, приносивших картины.

— Марченко? — попыталась угадать Полина.

Сипяго снисходительно улыбнулся.

— Ну, это вряд ли. Марченко рисует военные корабли. Отчего бы его, спрашивается, заинтересовал «Титаник»?

Взяв стремянку, Полина достала с верхнего стеллажа картину Марченко:

— «Авианосец "Унрю"».

— «Унрю»? — переспросил Ярвинен. — Вы уверены?

— Да, «Унрю». — На обратной стороне картины она прочитала краткую справку. — По-японски это значит «дракон, летящий по небу на облаке». В 1944 году был потоплен американской подводной лодкой.

Сипяго задумался. Корабль был хоть и военный, но затопленный, и это в какой-то степени роднило «Унрю» с «Титаником». Решили звонить Марченко. Уже набирая номер, Сипяго спросил у Ярвинена:

— Вам действительно нужна эта картина?

— В высшей степени.

Марченко долго не подходил к телефону. Гудки в трубке отзывались звоном капли по жестя-

ному отливу окна. Ударившись о жёсть, капли превращались в водяную пыль, искрившуюся на вечернем, отраженном от противоположного окна, солнце. Даже в третьем дворе светит солнце, думал Ярвинен, кто мог этого ожидать? Вот что значит весна. Весной так все устроено, что самый что ни на есть третий двор, любой, что называется, колодец по части солнца не обделен, оно и сюда заглядывает...

Марченко все-таки откликнулся — недовольный. От чего-то там его оторвали, и мембрана передавала ноющие интонации того, кто утомлен всеобщим вниманием. Кто с удовольствием бы обругал, но считает с последствиями. Узнав, что вопросы задаются по просьбе клиента, Марченко несколько приободрился и даже предложил написать картину с таким названием. Ярвинен отрицательно помахал рукой. Нет (еще один взгляд на «Авианосец “Унрю”»), ни в коем случае.

Сияго подошел к двери и выглянул наружу.

— Закрываетесь? — догадался гость.

— Есть такое дело. — Закрыв дверь, Сияго повернул в замке ключ. — Вместе с тем нам не хотелось бы оставлять вас с вашей проблемой наедине.

Он сделал знак Полине. Когда девушка скрылась за портьерой, Сияго сказал, что она вообще-то художница, а в салоне подрабатывает. Через минуту Полина появилась с бутылкой водки и тремя стопками. Еще раз ушла и вернулась с банкой зеленого горошка, шпротами и буханкой бородинского хлеба.

— Сейчас важно все спокойно обсудить, — сказала она, начиная резать хлеб. — То есть по-деловому, без паники.

Кот снова запрыгнул на стол.

— Да, паника нам не нужна, — согласился Ярвинен.

Хлеб уже не был мягким, и для того чтобы его нарезать, приходилось прилагать усилия. В такт движениям Полины тряся господин Зверинский и плескалась в салатнице его вода.

Когда водка была разлита, Сияго предложил выпить за успех предприятия. Ярвинен не до конца понимал, о каком предприятии идет речь, но охотно выпил: сидеть с этими людьми ему нравилось. С ними он чувствовал себя спокойно и по-домашнему. Ему было приятно даже то, что Полина только пригубила — это характеризовало ее как девушку благообразную.

— Прежде всего, — сказал Сияго, — нужно решить, будем ли мы продолжать поиски картины или закажем новую.



— Если прикинуть, со сколькими художниками мы работаем, — Полина показала на забитые картинами стеллажи, — обзванивать их мы можем до утра.

Присутствующие машинально перевели взгляд на стеллажи (господин Зверинский когтем подцепил в банке шпроту), и Ярвинен подумал, что не прочь остаться здесь до утра. Однако звонить всю ночь напролет никто не собирался. Полина — и в этом также сказывалось ее благообразие — считала, что картину лучше заказать. Так можно было определить не только сюжет полотна, но и его стиль.

Встав из-за стола, она пригласила всех еще раз к «Авианосцу “Унрю”»:

— Стиль этой картины... — Она резко обернулась к коту. — Нет, ты действительно думаешь, что тебя никто не видит? Ну раз сделали вид, что не заметили, ну два — сколько же можно?

От предельного непонимания господин Зверинский зажмурился. Перед ним лежало полшпроты.

— Что касается стиля, — сказал Сияго, — то он зависит от изображенного на картине. Что мы знаем об исторической подоплеке сюжета? Русские действительно пришли на помощь «Титанику»?

— Название не утверждает, что они пришли. — Ярвинен развел руками. — Сказано только, что они спешили.

— Значит, могли и не прийти, — предположила Полина. — Мне кажется, это ирония: русские — спешили.

— А в чем здесь ирония? — Сипяго жестом пригласил всех обратно за стол.

— Мы же знаем, чем дело кончилось. Русские спешат довольно медленно...

Полина засмеялась, но ее не поддержали ни Сипяго, ни господин Зверинский (полшпроты перед ним исчезли). Ярвину не нравилось, как смеется Полина, и он улыбнулся.

— Главное, что спешили, — сказал Сипяго. — Людей нужно судить по намерениям, поскольку на результате лежит проклятие бытия. Может быть, им тоже встретился айсберг — мы же не знаем.

Все снова сели за стол. Во время очередного тоста кот приложился к своей салатнице.

— Не исключаю, что смысл мог быть аллегорическим, — произнес особым, между стопкой и закуской, голосом Ярвинен. — Имеется в виду иносказание.

— Какое? — спросил Сипяго.

— Ну, я не знаю... Какое-нибудь историческое. Россия — Запад, например. — Ярвинен посмотрел на Полину. — А вы как думаете?

— Я просто не поняла. Запад — это «Титаник»? А мы кто?

— А мы русские. Которые спешат.

— Отличная, кстати, идея. — Сипяго плеснул водки себе и Ярвину. — Падение нравственности, культ потребления. Плюс великое переселение народов — с Юга и Востока на Запад.

— А тут еще мы плывем, — сообщила Полина господину Зверинскому прямо в ухо.

Кот встал, выгнулся дугой и зевнул. Снова лег. Никто никуда не плывет.

Сипяго взялся было за бутылку, но заметил, что она пуста.

— Слетать в круглосуточный? — он посмотрел на Полину.

— Да, дорогой, слетай.

Дорогой... Ярвинен спрашивал себя, кем она ему приходится. Женой — вряд ли. Любовницей? Сестрой? Точно — не матерью. Полина, вообще говоря, могла бы... Он засмотрелся на то, как ее пальцы растворялись в шерсти кота. Могла бы стать его третьей женой. Господина Зверинского тоже стоило бы взять с собой — кормили бы его шпротами. А Сипяго (дверь за ним с хлопком закрылась) приглашали бы по воскресеньям.

Ярвинен положил Полине руку на плечо.

— Хотите, я сниму вас в кино?

— Нет, — сказала Полина. — А что за фильм?

— «Русские спешат на помощь "Титанику"».

— Круто!

Рука Ярвинена продолжала лежать на плече Полины.

— В центре действия — рыжая девушка Полина. Она работает официанткой на трансатлантическом пароходе «Торжок». Девушка нема. Она уговаривает капитана отправиться на помощь тонущему лайнеру.

— Немая — уговаривает?

— Она убеждает капитана жестами. Полина знает, что среди пассажиров «Титаника» находится режиссер немого кино Хаккинен, зарабатывающий на круизе демонстрацией карточных фокусов. Заработанные деньги должны пойти на съемки фильма с Полиной в главной роли. В ходе гонки со временем девушке приходится столкнуться со взрывом паровых котлов, бунтом на корабле и, ну, скажем...

— С айсбергом.

— Да, с настоящим айсбергом. Кажется уже, что время упущено, но Хаккинена подхватывает Гольфстрим и несет навстречу «Торжку». Чтобы хоть как-то согреться, он продолжает показывать карточные фокусы. Из воды его достают уже без сознания, но живым. В кулаке он сжимает червовую даму, цветом волос удивительно похожую на Полину.

Ладонь Ярвинена скользнула по волосам Полины.

— Потрясающе! — засмеялась Полина.

Ее губ осторожно коснулись губы режиссера.

Вернувшись с бутылкой, Сипяго бросил на Ярвинена внимательный взгляд.

— Кажется, вы тут с Полиной совсем загрузили. Ярвинен кивнул.

— Просто я вчера расстался с женой. Причем — со второй.

Сипяго помолчал.

— А я додумал сюжет. Это может быть корабль с русским флагом, который плывет в сторону Евросоюза. Море можно изобразить в виде карты — чтобы уж все было ясно.

— Карты? — не поняла Полина.

— Ну да, смятой такой карты в виде волн...

Сюжет Ярвинен нашел замечательным. Особенно ему понравилось, что корабль плывет как бы по суше. Когда он спросил, не может ли взяться за него Полина, Сипяго быстро ответил:

— Она — экспрессионистка. Здесь нужна маера, соответствующая идее.

Ярвинен хотел было возразить, что для плавления по суше нужна немалая экспрессия, но Полина откинулась на стуле:

— Наивное искусство?

Сипяго был строг.

— Представь себе, я тоже так считаю. — Он обернулся к Ярвинену. — Вам знаком примитивист Нелюбин? Можно было бы заказать ему.

— Надеюсь, он достаточно примитивен, — откликнулся режиссер. — Я готов внести задаток.

Решили сразу позвонить Нелюбину, но каким-то образом выяснилось, что уже второй час ночи. Нелюбин вроде бы не должен был спать, он бы поговорил, но его жена... Там были сложные отношения. Описывая жену, Полина положила ладонь на запястье Ярвинена:

— Люба, между прочим. А он — так уж получилось — Нелюбин: разлад был запрограммирован.

Брать задаток Сипяго отказался, и это выглядело странно. Нерадостно как-то. Обменялся с Ярвиненом телефонами, сказав, что позвонит, когда картина будет готова. Гость открыл новую бутылку и наполнил стопки. Заметил, что стопка Полины была в этот раз пуста.

— Полина, скажете?

— Я скажу, — коротко доложил Сипяго. — На ход ноги.

Такого тоста Ярвинен не ждал.

Ход ноги. Это словосочетание он повторял, идя по ночной Зверинской. Оно казалось ему пошлым, каким-то даже вульгарным, в особенности — единственное число. Сипяго. Дракон, летящий по небу на облаке. Явно ревновал, иначе отчего бы он свернул такой душевный вечер? На Большом проспекте в лицо ударил ветер с Невы. Он был по-весеннему теплым, хотя кое-где все еще лежал снег.

Прошло несколько дней, а звонок из салона не поступал. Потеряв терпение, Ярвинен позвонил сам. Сипяго сообщил, что, по словам жены, примитивист Нелюбин в запое, так что придет-

ся немного подождать. Спросил еще, так ли уж срочно нужна картина, и Ярвинен ответил, что срочно. Помявшись, Сипяго сказал, что в экстренных случаях Нелюбин пишет, не выходя из запоя, при этом результат оказывается, в сущности, еще интереснее.

Прошло две недели, и Ярвинен снова позвонил Сипяго. Тот был вне зоны доступа. Ярвинен подумал, что в конце концов ему нужен доступ не к Сипяго, и отправился на Зверинскую. Он вошел в третий двор, но не нашел ни Полины, ни Сипяго, ни даже господина Зверинского. На двери висел замок. За стеклом, отражая взлохмаченные ветром волосы Ярвинена, висело сообщение о том, что салон переехал.

Месяца два он методично обходил петербургские салоны и галереи и не пропускал ни одного вернисажа. Поиски оказались тщетны. Если салон и переехал, думалось ему, то в какие-то такие края, откуда нет возврата. Например, в Австралию. Очень скоро о Ярвинене стали говорить как о человеке, фанатично преданном искусству. Его постоянно видели на лекциях по современной живописи, на открытии галерей и юбилеях художников.

В конце года, когда подошел его собственный юбилей, ему устроили пресс-конференцию. Газеты сообщали, что после затяжного творческого кризиса режиссер приступил к работе. Правда, о сути ее юбиляр говорить отказался, считая это дурной приметой. В ответ на настойчивые просьбы журналистов приоткрыть завесу тайны он вроде бы проговорился, что это будет что-то о помощи русских «Титанику».

Идея показалась неожиданной, но многообещающей. По мнению прессы, сильной стороной проекта в нынешней международной обстановке являлось обращение к положительному опыту. Особо подчеркивалась новизна материала: о факте, положенном в основу фильма, прежде не было известно ничего.